Леонидъ Андреевъ

Бездна.

Съ статьей

ЛЬВА ТОЛСТОГО

и полемической литературой.

БЕРЛИНЪ.

Изданіе Іоанна Рэде.

1903.

224584.

Вмѣсто предисловія.

Мы не раздѣляемъ довольно распространенной у насъ, въ Россіи, точки зрѣнія относительно недостаточной обоснованности и мимолетности литературной славы Л. Андреева. Мы думаемъ напротивъ, что онъ обладаетъ весьма крупнымъ дарованіемъ, и мы надѣемся, что въ будущемъ онъ дастъ, онъ долженъ дать намъ еще длинный рядъ произведеній, стоящихъ во всякомъ случаѣ не ниже того, что онъ уже успѣлъ дать намъ за какіе нибудь два — три года литературной дѣятельности. Мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что наиболѣе яркимъ произведеніемъ Андреева является до сихъ поръ его „Бездна“. Чѣмъ выше утесъ, тѣмъ сильнѣе бьются о него волны, сказалъ Гейне. „Бездна“ Андреева взбаламутила цѣлое море русской журналистики и вызвала цѣлую литературу. Мы даемъ ниже самый разсказъ Андреева въ редакціи

полной, не искаженной русской цензурой, и наиболѣе интересное, что появилось по поводу „Бездны“: Письмо студента-техника Нѣмовецкаго, письмо Зиночки, письмо босяка Ѳедора, одного изъ тѣхъ трехъ, что произвели нападеніе въ лѣсу, наконецъ, столь нашумѣвшее письмо графини Толстой и весьма для всѣхъ насъ цѣнное мнѣніе самого графа Толстого по вопросу о порнографической литературѣ, предаваемой анаѳемѣ его супругой.

Бездна.

I.

Уже кончался день, а они двое все шли, все говорили и не замѣчали ни времени, ни дороги. Впереди, на пологомъ холмѣ, темнѣла небольшая роща и сквозь вѣтви деревьевъ краснымъ раскаленнымъ углемъ пылало солнце, зажигало воздухъ и весь его превращало въ огненную золотистую пыль. Такъ близко и такъ ярко было солнце, что все кругомъ словно исчезало, а оно только одно оставалось, окрашивало дорогу и ровняло ее. Глазамъ идущихъ стало больно, они повернули назадъ, и сразу передъ ними все потухло, стало спокойнымъ и яснымъ, маленькимъ и отчетливымъ. Гдѣ-то далеко, за версту или больше, красный закатъ выхватилъ высокій стволъ сосны, и онъ горѣлъ среди зелени, какъ свѣча въ темной комнатѣ; багровымъ налетомъ покрылась впереди дорога, на

которой теперь каждый камень отбрасывалъ длинную черную тѣнь, да золотисто-краснымъ ореоломъ свѣтились волоса дѣвушки, пронизанные солнечными лучами. Одинъ тонкій вьющійся волосъ отдѣлился отъ другихъ и вился и колебался въ воздухѣ, какъ золотая паутинка.

И то, что впереди стало темно, не прервало и не измѣнило ихъ разговора. Такой же ясный, задушевный и тихій, онъ лился спокойнымъ потокомъ и былъ все объ одномъ: о силѣ, красотѣ и безсмертіи любви. Оба они были очень молоды: дѣвушкѣ было всего семнадцать лѣтъ, Нѣмовецкому на четыре года больше, и оба они были въ ученической формѣ: она въ скромномъ коричневомъ платьѣ гимназистки, онъ въ красивой формѣ студента-технолога. И какъ и рѣчь, все у нихъ было молодое, красивое и чистое: стройныя, гибкія фигуры, словно пронизанныя воздухомъ и родныя ему, легкая упругая поступь и свѣжіе голоса, даже въ простыхъ словахъ звучавшіе задумчивой нѣжностью, такъ, какъ звенитъ ручей въ тихую весеннюю ночь, когда не весь еще снѣгъ сошелъ съ темныхъ полей.

Они шли, сворачивали тамъ, гдѣ сворачивала незнакомая дорога, и двѣ длинныя, постепенно утончающіяся тѣни, смѣшныя отъ маленькихъ головокъ, то раздѣльно двигались впереди, то сбоку сливались въ одну узкую и длинную, какъ тѣнь тополя, полосу. Но они не видѣли тѣней и говорили, и, говоря, онъ не сводилъ глазъ съ ея красиваго лица, на которомъ розовый закатъ точно оставилъ часть своихъ нѣжныхъ красокъ, а она смотрѣла внизъ, на тропинку, отталкивала зонтикомъ маленькіе камешки и слѣдила, какъ изъ-подъ темнаго платья равномѣрно выдвигался то одинъ, то другой острый кончикъ маленькой ботинки.

Дорогу пересѣкла канава, съ пыльными, обвалившимися отъ ходьбы краями, и они на мигъ остановились. Зиночка подняла голову, обвела вокругъ затуманеннымъ взглядомъ и спросила.

„Вы знаете, гдѣ мы? Я здѣсь ни разу не была.“

Онъ невнимательно оглядѣлъ мѣстность.

„Да, знаю. Тамъ, за этимъ бугромъ, городъ. Давайте руку, я вамъ помогу.“

Онъ протянулъ руку, нерабочую руку, тонкую и бѣлую, какъ у женщины. Зи-

ночкѣ было весело, ей хотѣлось перепрыгнуть канаву самой, побѣжать, крикнуть „догоняйте!“ — но она сдержалась, слегка, съ важной благодарностью, наклонила голову и немного боязливо протянула руку, сохранившую еще нѣжную припухлость дѣтской руки. А ему хотѣлось до боли сжать эту трепетную ручку, но онъ также сдержался, съ полупоклономъ, почтительно принялъ ее и скромно отвернулся, когда у всходившей дѣвушки слегка пріоткрылась нога.

И снова они шли и говорили, но головы ихъ были полны ощущеніемъ на минуту сблизившихся рукъ. Она еще чувствовала сухой жаръ его ладони и крѣпкихъ пальцевъ; ей было пріятно и немного совѣстно, а онъ ощущалъ покорную мягкость ея крохотной ручки и видѣлъ черный силуэтъ ноги и маленькую туфлю, наивно и нѣжно обнимавшую ее. И было что-то острое, безпокойное въ этомъ немеркнущемъ представленіи узкой полоски бѣлыхъ юбокъ и стройной ноги, и несознаваемымъ усиліемъ воли онъ потушилъ его. И тогда ему стало весело, и сердцу его было такъ широко и свободно въ груди, что захотѣлось пѣть,

тянуться руками къ небу и крикнуть: „бѣгите, я буду васъ догонять“ — эту древнюю формулу первобытной любви среди лѣсовъ и гремящихъ водопадовъ.

И отъ всѣхъ этихъ желаній къ горлу подступали слезы.

Длинныя, смѣшныя тѣни исчезли, и дорожная пыль стала сѣрой и холодной, но они не замѣтили этого и говорили. Оба они прочли много хорошихъ книгъ, и свѣтлые образы людей, любившихъ, страдавшихъ и погибавшихъ за чистую любовь, носились передъ ихъ глазами. Въ памяти воскресали отрывки невѣдомо когда прочитанныхъ стиховъ, въ одежду звучной гармоніи и сладкой грусти облекавшихъ любовь.

„Вы не помните, откуда это?“ спрашивалъ Нѣмовецкій, припоминая: „... и со мною снова та, кого люблю, — отъ которой скрылъ я, не сказавъ ни слова, всю тоску, всю нѣжность, всю любовь мою ...“

„Нѣтъ,“ отвѣтила Зиночка и задумчиво повторила: „всю тоску, всю нѣжность, всю любовь мою ...“

„Всю любовь мою,“ невольнымъ эхомъ откликнулся Нѣмовецкій.

И снова они вспоминали. Вспоминали чистыхъ, какъ бѣлыя лиліи, дѣвушекъ, надѣвавшихъ черную монашескую одежду, одиноко тоскующихъ въ паркѣ, засыпанномъ осенней листвой, счастливыхъ въ своемъ несчастьи; они вспоминали и мужчинъ, гордыхъ, энергичныхъ, но страдающихъ и просящихъ о любви и чуткомъ женскомъ состраданіи. Печальны были вызванные образы, но въ ихъ печали свѣтлѣе и чище являлась любовь. Огромнымъ, какъ міръ, яснымъ, какъ солнце, и дивно красивымъ выростала она передъ ихъ глазами, и не было ничего могущественнѣе ея и краше.

„Вы могли бы умереть за того, кого любите?“ спросила Зиночка, смотря на свою полудѣтскую руку.

„Да, могъ бы,“ рѣшительно отвѣтилъ Нѣмовецкій, открыто и искренно глядя на нее. „А вы?“

„Да, и я.“ Она задумалась. „Вѣдь это такое счастье: умереть за любимаго человѣка. Мнѣ очень хотѣлось бы.“

Ихъ глаза встрѣтились, ясные, спокойные, и что-то хорошее послали другъ другу, и губы улыбнулись. Зиночка остановилась.

„Постойте,“ сказала она. „У васъ на тужуркѣ нитка.“

И довѣрчиво она подняла руку къ его плечу и осторожно, двумя пальцами сняла нитку.

„Вотъ!“ сказала она и, ставъ серьезной, спросила: „Отчего вы такой блѣдный и худой? Вы много занимаетесь, да? Не утомляйте себя, не надо.“

„У васъ глаза голубые, а въ нихъ свѣтлыя точечки, какъ искорки,“ отвѣтилъ онъ, разсматривая ея глаза.

„А у васъ черные. Нѣтъ, карiе, теплые. И въ нихъ . . .“

Зиночка не договорила, что въ нихъ, и отвернулась. Лицо ея медленно краснѣло, глаза стали смущенные и робкiе, а губы невольно улыбались. И не ожидая улыбающагося и чѣмъ-то довольнаго Нѣмовецкаго, она тронулась впередъ, но скоро остановилась.

„Смотрите, солнце зашло!“ съ грустнымъ изумленiемъ воскликнула она.

„Да, зашло,“ съ внезапной, острой грустью отозвался онъ.

Свѣтъ погасъ, тѣни умерли, и все кругомъ стало блѣднымъ, нѣмымъ и безжи-

зненнымъ. Оттуда, гдѣ раньше сверкало раскаленное солнце, безшумно ползли вверхъ темныя груды облаковъ и шагъ за шагомъ пожирали свѣтло-голубое пространство. Тучи клубились, сталкивались, медленно и тяжко мѣняли очертанія разбуженныхъ чудовищъ и не охотно подвигались впередъ, точно ихъ самихъ, противъ ихъ воли, гнала какая-то неумолимая, страшная сила. Оторвавшись отъ другихъ, одиноко металось свѣтлое волокнистое облачко, слабое и испуганное.

II.

Щеки Зиночки поблѣднѣли, губы стали красными, почти кровавыми, зрачекъ непримѣтно расширился, затемнивъ глаза, и она тихо прошептала:

„Мнѣ страшно. Тутъ такъ тихо. Мы заблудились?“

Нѣмовецкій сдвинулъ густыя брови и пытливо оглядѣлъ мѣстность.

Безъ солнца, подъ свѣжимъ дыханіемъ близкой ночи, она казалась непривѣтливой и холодной; во всѣ стороны раскидывалось сѣрое поле съ низенькой, словно притоптанной травой, глинистыми оврагами, буграми

и ямами. Ямъ было много, глубокихъ, отвѣсныхъ и маленькихъ, поросшихъ ползучей травой; въ нихъ уже безшумно залегала на ночь молчаливая тьма; и то, что здѣсь были люди, что-то дѣлали, а теперь ихъ нѣтъ, дѣлало мѣстность еще болѣе пустынной и печальной. Тамъ и здѣсь, какъ сгустки лиловаго холоднаго тумана, вставали рощи и перелѣски и точно выжидали, что скажутъ имъ заброшенныя ямы.

Нѣмовецкій подавилъ поднимавшееся въ немъ тяжелое и смутное чувство тревоги и сказалъ:

„Нѣтъ, мы не заблудились. Я знаю дорогу. Сперва полемъ, а потомъ черезъ тотъ лѣсокъ. Вы боитесь?“

Она храбро улыбнулась и отвѣтила:

„Нѣтъ. Теперь нѣтъ. Но нужно скорѣе домой — пить чай.“

Быстро и рѣшительно они двинулись впередъ, но скоро замедлили шаги. Они не глядѣли по сторонамъ, но чувствовали угрюмую враждебность изрытаго поля, окружавшаго ихъ тысячью тусклыхъ неподвижныхъ глазъ, и это чувство сближало ихъ и бросало къ воспоминаніямъ дѣтства. И воспоминанія были свѣтлыя, озаренныя

солнцемъ, зеленой листвой, любовью и смѣхомъ. Какъ будто это была не жизнь, а широкая, мягкая пѣсня, и звуками въ ней были они сами, двѣ маленькія нотки: одна звонкая и чистая, какъ звенящій хрусталь, другая немного глуше, но ярче — какъ колокольчикъ.

Показались люди — двѣ женщины, сидѣвшія на краю глубокой глиняной ямы; одна сидѣла, заложивъ ногу за ногу, и пристально смотрѣла внизъ; головной платокъ приподнялся, открывая космы путаныхъ волосъ; спина горбилась и стягивала вверхъ грязную кофту съ крупными, какъ яблоки, цвѣтами и распустившимися завязками. На проходящихъ она не взглянула. Другая женщина полулежала возлѣ, закинувъ голову. Лицо у нея было грубое, широкое, съ мужскими чертами, и подъ глазами на выдавшихся скулахъ горѣли по два красныхъ кирпичныхъ пятна, похожихъ на свѣжія ссадины. Она была еще грязнѣе, чѣмъ первая, и смотрѣла на идущихъ прямо и просто. Когда они прошли, она запѣла густымъ, мужскимъ голосомъ:

„Для тебя одного, мой любезный,
Я, какъ цвѣтъ ароматный, цвѣла . . .“

„Варька, слышишь?“ обратилась она къ молчаливой подругѣ и, не получивъ отвѣта, громко и грубо захохотала.

Нѣмовецкій зналъ такихъ женщинъ, грязныхъ даже тогда, когда на нихъ было богатое и красивое платье, привыкъ къ нимъ, и теперь онѣ скользнули по его взгляду и, не оставивъ слѣда, исчезли. Но Зиночка, почти коснувшаяся ихъ своимъ коричневымъ, скромнымъ платьемъ, почувствовала что-то враждебное, жалкое и злое, на мигъ вошедшее въ ея душу. Но черезъ нѣсколько минутъ впечатлѣніе изглядилось, какъ тѣнь облака, быстро бѣгущая по золотистому лугу, и когда мимо нихъ, обгоняя, прошли двое: мужчина въ картузѣ и пиджакѣ, но босикомъ, и такая же грязная женщина, она увидѣла ихъ, но не почувствовала. Не отдавая себѣ отчета, она долго еще слѣдила за женщиной, и ее немного удивило, почему у нея такое тонкое платье, какъ-то липко, точно мокрое, обхватывающее ноги, и подолъ съ широкой полосой жирной грязи, въѣвшейся въ матерію. Что-то тревожное, больное и страшно безнадежное было въ трепыханіи этого тонкаго и грязнаго подола.

И снова они шли и говорили, а за ними двигалась, нехотя, темная туча и бросала прозрачную, осторожно прилегающую тѣнь. На распертыхъ бокахъ тучи тускло просвѣчивали желтыя мѣдныя пятна и свѣтлыми, безшумно клубящимися дорогами скрывались за ея тяжелой массой. И тьма сгущалась такъ незамѣтно и вкрадчиво, что трудно было въ нее повѣрить, и казалось, что все еще это день, но день тяжело больной и тихо умирающій. Теперь они говорили о тѣхъ страшныхъ чувствахъ и мысляхъ, которыя посѣщаютъ человѣка ночью, когда онъ не спитъ, и ни звуки, ни рѣчи не мѣшаютъ ему, и то, какъ тьма широкое и многоглазое, что есть жизнь, плотно прижимается къ самому его лицу.

„Вы представляете себѣ безконечность?“ спросила Зиночка, прикладывая ко лбу пухлую ручку и крѣпко зажмуривая глаза.

„Нѣтъ. Безконечность ... Нѣтъ,“ отвѣтилъ Нѣмовецкій, также закрывая глаза.

„А я иногда вижу ее. Первый разъ я увидѣла, когда была еще маленькая. Это какъ-будто телѣги. Стоитъ одна телѣга, другая, третья и такъ далеко, безъ конца,

все телѣги, телѣги . . . Страшно.“ Она вздрогнула.

„Но почему телѣги?“ улыбнулся Нѣмовецкій, хотя ему было непріятно.

„Не знаю. Телѣги. Одна, другая . . . безъ конца.“

Тьма вкрадчиво густѣла, и туча уже прошла надъ ихъ головами и спереди точно заглядывала въ ихъ поблѣднѣвшія, опущенныя лица. И все чаще выростали темныя фигуры оборванныхъ грязныхъ женщинъ, словно ихъ выбрасывали на поверхность глубокія, неизвѣстно зачѣмъ выкопанныя ямы, тревожно трепыхались ихъ мокрые подолы. То въ одиночку, то по двѣ, по три появлялись онѣ, и голоса ихъ звучали громко и странно одиноко въ замершемъ воздухѣ.

„Кто эти женщины? Откуда ихъ столько?“ спрашивала Зиночка боязливо и тихо. Нѣмовецкій зналъ, кто эти женщины, и ему было страшно, что они попали въ такую дурную и опасную мѣстность, но спокойно отвѣтилъ:

„Не знаю. Такъ. Не нужно о нихъ говорить. Вотъ сейчасъ пройдемъ этотъ лѣсокъ, а тамъ будетъ застава и городъ. Жаль, что мы такъ поздно вышли.“

Ей стало смѣшно, что онъ говоритъ поздно, когда они вышли въ четыре часа, и она взглянула на него и улыбнулась. Но брови его не расходились, и она предложила, успокаивая и утѣшая.

„Пойдемте скорѣе. Мнѣ хочется чаю. Да и лѣсъ уже близко.

„Пойдемте.“

Когда они вошли въ лѣсъ, и деревья молчаливо сошлись вершинами надъ ихъ головами, стало очень темно, но уютно и спокойно.

„Давайте руку,“ предложилъ Нѣмовецкій. Она нерѣшительно подала руку, и легкое прикосновеніе точно разогнало тьму. Руки ихъ были неподвижны и не прижимались, и Зиночка даже немного отодвигалась отъ спутника, но все ихъ сознаніе сосредоточилось на ощущеніи этого маленькаго мѣстечка въ тѣлѣ, гдѣ соприкасались руки. И опять хотѣлось говорить о красотѣ и таинственной силѣ любви, но говорить такъ, чтобы не нарушать молчанія, говорить не словами, а взглядами. И они думали, что нужно взглянуть, и хотѣли, но не рѣшались.

„А вотъ опять люди!“ весело сказала Зиночка.

III.

На полянѣ, гдѣ было свѣтлѣе, сидѣли около опорожненной бутылки три человѣка и молча, выжидательно, смотрѣли на идущихъ. Одинъ, бритый, какъ актеръ, засмѣялся и свистнулъ такъ, какъ будто это значило:

„О-го!“

Сердце у Нѣмовецкаго упало и замерло въ страшной тревогѣ, но будто подталкиваемый сзади, онъ шелъ прямо на сидящихъ, около которыхъ проходила тропинка. Тѣ ждали, и три пары глазъ темнѣли неподвижно и страшно. И смутно желая расположить къ себѣ этихъ мрачныхъ оборванныхъ людей, въ молчаніи которыхъ чувствовалась угроза, указать на свою безпомощность и разбудить въ нихъ сочувствіе, онъ спросилъ:

„Гдѣ пройти къ заставѣ? Здѣсь?“

Но они не отвѣтили. Бритый свистнулъ что-то неопредѣленное и насмѣшливое, а другіе двое молчали и смотрѣли съ тяжелой, зловѣщей пристальностью. Они были пьяны, злы и имъ хотѣлось любви и разрушенія. Краснощекій, оплывшій, приподнялся

на локти, потомъ нерѣшительно, какъ медвѣдь, оперся на лапы и всталъ, тяжело вздохнувъ. Товарищи мелькомъ взглянули на него, и опять съ той же пристальностью уставились на Зиночку.

„Мнѣ страшно,“ однѣми губами сказала она.

Не слыша словъ, Нѣмовецкій понялъ ее по тяжести опершейся руки. И, стараясь сохранить видъ спокойствія, но чувствуя роковую неотвратимость того, что сейчасъ случится, онъ зашагалъ ровно и твердо. И три пары глазъ приблизились, сверкнули и остались за спиной. „Нужно бѣжать,“ подумалъ Нѣмовецкій и самъ отвѣтилъ себѣ: „нѣтъ, нельзя бѣжать.“

„Совсѣмъ дохлякъ парень, даже обидно,“ сказалъ третій изъ сидѣвшихъ, лысый, съ рѣдкой рыжей бородой. „А дѣвочка хорошенькая, дай Богъ всякому.“

Всѣ трое какъ-то нехотя засмѣялись.

„Баринъ, погоди на два слова!“ густо, басомъ сказалъ высокій и поглядѣлъ на товарищей. Тѣ приподнялись.

Нѣмовецкій шелъ, не оглядываясь.

„Нужно погодить, когда просятъ,“ сказалъ рыжій. „А то, вѣдь, и по шеѣ можно.“

„Тебѣ говорятъ!“ гаркнулъ высокій, и въ два прыжка нагналъ идущихъ. Массивная рука опустилась на плечо Нѣмовецкаго и покачнула его, и, обернувшись, онъ возлѣ самаго лица встрѣтилъ круглые, выпуклые и страшные глаза. Они были такъ близко, точно онъ смотрѣлъ на нихъ сквозь увеличительное стекло и ясно различалъ красныя жилки на бѣлкѣ и желтоватый гной на рѣсницахъ. И, выпустивъ нѣмую руку Зиночки, онъ полѣзъ въ карманъ и забормоталъ:

„Денегъ . . . На-те денегъ. Я съ удовольствіемъ.“

Выпуклые глаза все болѣе круглились и свѣтлѣли. И когда Нѣмовецкій отвелъ отъ нихъ свои глаза, высокій немного отступилъ назадъ и безъ размаху, снизу, ударилъ Нѣмовецкаго въ подбородокъ. Голова Нѣмовецкаго откачнулась, зубы лязкнули, фуражка спустилась на лобъ и свалилась, и, взмахнувъ руками, онъ упалъ навзничь. Молча, безъ крика, повернулась Зиночка и бросилась бѣжать, сразу принявъ всю быстроту, на какую была способна. Бритый крикнулъ долго и странно:

„А-а-а! . . .“

И съ крикомъ погнался за ней.

Нѣмовецкій, шатаясь, вскочилъ, но не успѣлъ еще выпрямиться, какъ снова былъ сбитъ съ ногъ ударомъ въ затылокъ. Тѣхъ было двое, а онъ одинъ, слабый и непривыкшій къ борьбѣ, но онъ долго боролся, царапался ногтями, какъ дерущаяся женщина, всхлипывалъ отъ безсильнаго отчаянія и кусался. Когда онъ совсѣмъ ослабѣлъ, его подняли и понесли; онъ упирался, но въ головѣ шумѣло, онъ переставалъ понимать, что съ нимъ дѣлается, и безсильно обвисалъ въ несущихъ рукахъ. Послѣднее, что онъ увидѣлъ — это кусокъ рыжей бороды, почти попадавшей ему въ ротъ, а за ней темноту лѣса и свѣтлую кофточку бѣгущей дѣвушки. Она бѣжала молча и быстро, такъ, какъ бѣгала на-дняхъ, когда играли въ горѣлки, — а за ней мелкими шажками, настигая, несся бритый. А потомъ Нѣмовецкій ощутилъ вокругъ себя пустоту, съ замираніемъ сердца понесся куда-то внизъ, гохнулъ всѣмъ тѣломъ, ударившись о землю, — и потерялъ сознаніе.

Высокій и рыжій, бросившіе Нѣмовецкаго въ ровъ, постояли немного, прислуши-

ваясь къ тому, что происходило на днѣ рва. Но лица ихъ и глаза были обращены въ сторону, гдѣ осталась Зиночка. Оттуда послышался высокій, придушенный женскій крикъ и тотчасъ замеръ. И высокій сердито воскликнулъ:

„Мерзавецъ!“ и прямикомъ, ломая сучья, какъ медвѣдь, побѣжалъ.

„И я! И я!“ тоненькимъ голоскомъ кричалъ рыжій, пускаясь за нимъ вслѣдъ. Онъ былъ слабосиленъ и запыхался; въ борьбѣ ему ушибли колѣнку, и ему было обидно, что мысль о дѣвушкѣ пришла ему первому, а достанется она ему послѣднему. Онъ пріостановился, потеръ рукой колѣнку, высморкался, приставивъ палецъ къ носу, и снова побѣжалъ, жалобно крича:

„И я! И я!“

Темная туча уже расползлась по всему небу, и наступила темная, тихая ночь. Въ темнотѣ скоро исчезла коротенькая фигура рыжаго, но долго еще слышался неровный топотъ его ногъ, шорохъ раздвигаемыхъ листьевъ и дребезжащій жалобный крикъ:

„И я! Братцы, и я!“

IV.

Въ ротъ Нѣмовецкому набралась земля и скрипѣла на зубахъ. И первое, самое сильное, что онъ почувствовалъ, придя въ сознаніе, былъ густой и спокойный запахъ земли. Голова была тупая, словно налитая тусклымъ свинцомъ, такъ что трудно было ворочать; все тѣло ныло, и сильно болѣло плечо, но ничего не было ни переломано, ни разбито. Нѣмовецкій сѣлъ и долго смотрѣлъ вверхъ, ничего не думая и не вспоминая. Прямо надъ нимъ свѣшивался кустъ съ черными широкими листьями, и сквозь нихъ проглядывало очистившееся небо. Туча прошла, не бросивъ ни одной капли дождя и сдѣлавъ воздухъ сухимъ и легкимъ, и высоко, на середину неба, поднялся разрѣзанный мѣсяцъ съ прозрачнымъ, тающимъ краемъ. Онъ доживалъ послѣднія ночи и свѣтилъ холодно, печально и одиноко. Небольшіе клочки облаковъ быстро проносились въ вышинѣ, гдѣ продолжалъ, очевидно, дуть сильный вѣтеръ, но не закрывали мѣсяца, а осторожно обходили его. Въ одиночествѣ мѣсяца, въ осторожности высокихъ, свѣтлыхъ облаковъ, въ дуновеніи

неощутимаго внизу вѣтра чувствовалась таинственная глубина царящей надъ землею ночи.

Нѣмовецкій вспомнилъ все, что произошло, и не повѣрилъ. Все случившееся было такъ страшно и не похоже на правду, которая не можетъ быть такой ужасной, и самъ онъ, сидящій среди ночи и смотрящій откуда то снизу на перевернутый мѣсяцъ и бѣгущія облака, былъ также страненъ и не похожъ на настоящаго. И онъ подумалъ, что это обыкновенный страшный сонъ, очень страшный и дурной. И эти женщины, которыхъ они такъ много встрѣчали, были также сномъ.

„Не можетъ быть,“ сказалъ онъ утвердительно и слабо качнулъ тяжелой головой. „Не можетъ быть.“

Онъ протянулъ руку и сталъ искать фуражку, чтобы идти, но фуражки не было. И то, что ея не было, сразу сдѣлало все яснымъ, и онъ понялъ, что происшедшее не сонъ, а ужасная правда. Въ слѣдующую минуту, замирая отъ ужаса, онъ уже карабкался вверхъ, обрывался вмѣстѣ съ осыпавшейся землей и снова карабкался и хватался за гибкія вѣтви куста.

Вылѣзши, онъ побѣжалъ прямо, не разсуждая и не выбирая направленія, и долго бѣжалъ и кружился между деревьями. Такъ же внезапно, не разсуждая, онъ побѣжалъ въ другую сторону, и опять вѣтви царапали его лицо, и опять все стало похоже на сонъ. И Нѣмовецкому казалось, что когда-то съ нимъ уже было нѣчто подобное: тьма, невидимыя вѣтви, царапающія лицо, и онъ бѣжитъ, закрывъ глаза, и думаетъ, что все это сонъ. Нѣмовецкій остановился, потомъ сѣлъ въ неудобной и непривычной позѣ человѣка, сидящаго прямо на землѣ, безъ возвышенія. И опять онъ подумалъ о фуражкѣ и сказалъ:

„Это я. Нужно убить себя. Нужно убить себя, если даже это сонъ.“

Онъ вскочилъ и снова побѣжалъ, но опомнился и пошелъ медленно, смутно рисуя себѣ то мѣсто, гдѣ на нихъ напали. Въ лѣсу было совсѣмъ темно, но иногда прорывался блѣдный мѣсячный лучъ и обманывалъ, освѣщая бѣлые стволы, и лѣсъ казался полнымъ неподвижныхъ и почему-то молчащихъ людей. И это уже было когда-то, и это походило на сонъ.

„Зинаида Николаевна!“ звалъ Нѣмовецкій и громко выговаривалъ первое слово, но тихо второе, какъ будто теряя вмѣстѣ со звукомъ надежду, что кто-нибудь отзовется. И никто не отзывался.

Потомъ онъ попалъ на тропинку, узналъ ее и дошелъ до поляны. И тутъ опять, и уже совсѣмъ онъ понялъ, что все это правда, и въ ужасѣ заметался, крича:

„Зинаида Николаевна! Это я! Я!“

Никто не откликался и, повернувшись лицомъ туда, гдѣ долженъ былъ находиться городъ, Нѣмовецкій раздѣльно выкрикнулъ:

„По-мо-гите!...“

И снова заметался, что-то шепча, обшаривая кусты, когда передъ самыми его ногами всплыло бѣлое мутное пятно, похожее на застывшее пятно слабаго свѣта. Это лежала Зиночка.

„Господи! Что же это?“ съ сухими глазами, но голосомъ рыдающаго человѣка сказалъ Нѣмовецкій и, ставъ на колѣни, прикоснулся къ лежащей. Рука его попала на обнаженное тѣло, гладкое, упругое, холодное, но не мертвое, и съ содроганіемъ Нѣмовецкій отдернулъ ее.

„Милая моя, голубочка моя, это я,“ шепталъ онъ, ища въ темнотѣ ея лицо. И снова, въ другомъ направленіи онъ протянулъ руку и опять наткнулся на голое тѣло, и такъ, куда онъ ни протягивалъ ее, онъ всюду встрѣчалъ это голое женское тѣло, гладкое, упругое, какъ будто теплѣвшее подъ прикасающейся рукой. Иногда онъ отдергивалъ руку быстро, но иногда задерживалъ и, какъ самъ онъ, безъ фуражки, оборванный, казался себѣ не настоящимъ, такъ и съ этимъ обнаженнымъ тѣломъ онъ не могъ связать представленія о Зиночкѣ. И то, что произошло здѣсь, что дѣлали люди съ этимъ безгласнымъ женскимъ тѣломъ, представилось ему во всей омерзительной ясности — какой-то странной, говорливой силой отозвалось во всѣхъ его членахъ. Потянувшись, такъ что хрустнули суставы, онъ тупо уставился на бѣлое пятно и нахмурилъ брови, какъ думающій человѣкъ. Ужасъ передъ случившимся застылъ въ немъ, свертывался въ комокъ и лежалъ въ душѣ, какъ что-то постороннее и безсильное.

„Господи, что же это“ повторилъ онъ, но звукъ былъ неправдивый, какъ будто нарочно.

Онъ нащупалъ сердце: оно билось слабо, но ровно, и когда онъ нагнулся къ самому лицу, онъ ощутилъ слабое дыханіе, словно Зиночка не была въ глубокомъ обморокѣ, а просто спала. И онъ тихо позвалъ ее:

„Зиночка, это я.“

И тутъ же почувствовалъ, что будетъ почему-то хорошо, если она еще долго не проснется. Затаивъ дыханіе и быстро оглянувшись кругомъ, онъ осторожно погладилъ ее по щекѣ и поцѣловалъ сперва въ закрытые глаза, потомъ въ губы, мягко раздавшіяся подъ крѣпкимъ поцѣлуемъ. Его испугало, что она можетъ проснуться, и онъ откачнулся и замеръ. Но тѣло было нѣмо и неподвижно, и въ его безпомощности и доступности было что-то жалкое и раздражающее, неотразимо влекущее къ себѣ. Съ глубокой нѣжностью и воровской, пугливой осторожностью Нѣмовецкій старался набросать на нее обрывки ея платья, и двойное ощущеніе матеріи и голаго тѣла было остро, какъ ножъ, и непостижимо, какъ безуміе. Онъ былъ защитникомъ и тѣмъ, кто нападаетъ, и онъ искалъ помощи у окружающаго лѣса и тьмы, но лѣсъ и тьма не давали ея. Здѣсь было пиршество

звѣрей, и, внезапно отброшенный по ту сторону человѣческой, понятной и простой жизни, онъ обонялъ жгучее сладострастіе, разлитое въ воздухѣ, и расширялъ ноздри.

„Это я! Я!“ безсмысленно повторялъ онъ, не понимая окружающаго, и весь полный воспоминаніемъ о томъ, какъ онъ увидѣлъ когда-то бѣлую полоску юбокъ, черный силуэтъ ноги и нѣжно обнимавшую ее туфлю. И прислушиваясь къ дыханію Зиночки, не сводя глазъ съ того мѣста, гдѣ было ея лицо, онъ подвинулъ руку. Прислушался и подвинулъ еще.

„Что же это?“ громко и отчаянно вскрикнулъ онъ и вскочилъ, ужасаясь самого себя. На одну секунду въ его глазахъ блеснуло лицо Зиночки и исчезло. Онъ старался понять, что это тѣло — Зиночка, съ которой онъ шелъ сегодня, и которая говорила о безконечности, и не могъ; онъ старался почувствовать ужасъ происшедшаго, но ужасъ былъ слишкомъ великъ, если думать, что все это правда, и не появлялся.

„Зинаида Николаевна!“ крикнулъ онъ, умоляя. Зачѣмъ же это? Зинаида Николаевна?

Но безгласнымъ оставалось измученное тѣло, и съ безсвязными рѣчами Нѣмовецкій опустился на колѣни. Онъ умолялъ, грозилъ, говорилъ, что убьетъ себя, и тормошилъ лежащую, поднимая, поворачивая, прижимая ее къ себѣ и почти впиваясь ногтями. Потеплѣвшее тѣло мягко поддавалось его усиліямъ, послушно слѣдуя за его движеніями, и все это было такъ страшно, непонятно и дико, что Нѣмовецкій снова вскочилъ и отрывисто крикнулъ:

„Помогите!“ и звукъ былъ лживый, какъ будто нарочно.

И снова онъ набросился на несопротивлявшееся тѣло, цѣлуя, плача, чувствуя передъ собой какую-то бездну, темную, страшную, притягивающую. Нѣмовецкаго не было, Нѣмовецкій оставался гдѣ-то позади, а тотъ, что былъ теперь, съ страстной жестокостью мялъ горячее податливое тѣло и говорилъ, улыбаясь хитрой усмѣшкой безумнаго.

„Отзовись! Или ты не хочешь? Я люблю тебя, люблю тебя.“

Съ той же хитрой усмѣшкой онъ приблизилъ расширившіеся глаза къ самому лицу Зиночки и шепталъ:

„Я люблю тебя. Ты не хочешь говорить, но ты улыбаешься, я это вижу. Я люблю тебя, люблю, люблю.“

Онъ крѣпче прижалъ къ себѣ мягкое, безвольное тѣло, своей безжизненной податливостью будившее дикую страсть, ломалъ руки и беззвучно шепталъ, сохранивъ отъ человѣка одну способность лгать.

„Я люблю тебя. Мы никому не скажемъ, и никто не узнаетъ. И я женюсь на тебѣ, завтра, когда хочешь. Я люблю тебя. Я поцѣлую тебя, и ты мнѣ отвѣтишь — хорошо? Зиночка . . .“

И съ силой онъ прижался къ ея губамъ, чувствуя, какъ зубы вдавливаются въ тѣло, и въ боли и крѣпости поцѣлуя теряя послѣдніе проблески мысли. Ему показалось, что губы дѣвушки дрогнули. На одинъ мигъ сверкающій огненный ужасъ озарилъ его мысли, открывъ передъ нимъ черную бездну.

И черная бездна поглотила его.

Январь 1902 г.

Письмо студента-техника Нѣмовецкаго.

Никогда... Я повиненъ кое въ чемъ, можетъ быть, гораздо худшемъ, гораздо болѣе гнусномъ, но не въ томъ...

Теперь разскажу, какъ все это было, разскажу все, безъ утайки.

Сначала, дѣйствительно, все было, какъ описываетъ Л. Андреевъ. Зиночка бросилась бѣжать. Вслѣдъ за ней кинулись эти проклятые бродяги, а на меня набросился одинъ изъ нихъ, и черезъ нѣсколько мгновеній я, избитый, полетѣлъ въ оврагъ. Въ безумномъ страхѣ я искалъ ее и неожиданно наткнулся на ея тѣло. Я упалъ подлѣ нея на колѣни, цѣловалъ ея руки, дулъ ей въ лицо, тормошилъ ее и всячески старался привести ее въ сознаніе. Я понималъ, какому ужасному поруганію подвергли ее, и это сознаніе какъ будто рождало боль въ моей душѣ. Но все это тонуло въ какомъ-то отчаяніи и страхѣ, что она не проснется,

что она умираетъ. Сердце мое билось, и въ мучительной тревогѣ мысли мои путались въ какой-то пестрый хаосъ. Наконецъ, она глубоко вздохнула и открыла глаза. О, счастье, о радость! Она жива и будетъ жить! И, забывъ все на свѣтѣ, я цѣловалъ ея руки и чувствовалъ, какъ на нихъ изъ моихъ глазъ скатились слеза за слезой. И я поднялъ ее и помогъ ей встать. Разорванное платье обнажало ея плечи и грудь, и я старался прикрыть ихъ, насколько возможно. Она, очевидно, еще не вполнѣ пришла въ себя и какъ-то странно озиралась, даже не замѣчая своего разорваннаго платья и наготы своихъ плечъ. И вдругъ она все вспомнила и поняла... Глаза ея широко раскрылись, изъ груди ея вырвался стонъ, и, закрывая свою обнаженную грудь трясущимися руками, она съ глухимъ рыданіемъ прильнула ко мнѣ и, точно ища защиты, спрятала свое лицо на моей груди. И вдругъ я тоже все понялъ, понялъ уже не только умомъ, не только сознаніемъ, но и всѣмъ сердцемъ, всѣмъ моимъ существомъ...

Я зналъ головой, что она, Зина, которую я любилъ, какъ мнѣ казалось, больше жиз-

ни, — я зналъ, что она страдаетъ и ждетъ отъ меня опоры, защиты и утѣшенія. Я зналъ, что въ этотъ моментъ я нуженъ ей, какъ другъ, нуженъ, какъ никогда, и я хотѣлъ, всѣми силами моей души я хотѣлъ приласкать ее, пригрѣть, успокоить и ободрить, и вмѣсто всего этого я чувствовалъ, какъ холодъ какого-то омерзенія широкой волной накатывается на меня и леденитъ мое сердце. Она сдѣлалась мнѣ физически противной, отвратительной и совершенно чужой. Невольно я сдѣлалъ движеніе, чтобы оттолкнуть ее, и когда при этомъ рука моя коснулась ея обнаженнаго плеча, я почувствовалъ холодъ ея озябшаго тѣла, и мнѣ вдругъ показалось, что это тѣло не просто холодно, а покрыто какой-то омерзительной холодной слизью. И я оттолкнулъ ее . . .

Съ тѣхъ поръ мы больше не видались. Я слышалъ, что она была долго и тяжело больна, но къ ней я не пошелъ.

Если-бы я свершилъ гнусность, которую онъ мнѣ приписалъ, это былъ бы рѣдкій и даже исключительный случай. Это было-бы какое-то минутное затемнѣніе разсудка животной страстью и только. То-же, что свер-

шилось со мной, именно потому и страшно, что оно не чуждо никому. Съ большей половиной человѣческаго рода произошло бы навѣрное то-же. Развѣ не ревнуемъ мы нашихъ женъ ко всѣмъ ихъ прежнимъ увлеченіямъ и развѣ примиритесь вы хоть когда-нибудь съ фактомъ, если узнаете, что ваша сіяющая невинной чистотой невѣста когда то любила и принадлежала другому? Развѣ это воспоминаніе не будетъ отравлять вамъ каждой минуты восторга, который вы будете переживать вновь съ ней? И, любя ее, развѣ не будете вы ее въ то же самое время презирать и ненавидѣть? . . .

А если ваша невѣста подвергнется тому же, чему подверглась Зина, развѣ вы такъ, безъ колебаній, женитесь на ней?

Всѣ мы — звѣри и даже хуже, чѣмъ звѣри, потому что тѣ, по крайней мѣрѣ, искренни и просты, а мы вѣчно хотимъ и себя и еще кого-то обмануть, что все звѣриное намъ чуждо. Мы хуже, чѣмъ звѣри . . . мы подлые звѣри . . .

Вотъ все, что я хотѣлъ сказать въ свое оправданіе, а, можетъ быть, и обвиненіе . . .

Студентъ-техникъ Нѣмовецкій.

Письмо Зиночки.

Недавно появилось письмо за подписью „студента-техника Нѣмовецкаго“, героя разсказа „Бездна“. Чрезвычайно удивленная и озадаченная этимъ страннымъ письмомъ, я, жена Нѣмовецкаго (нынѣ уже инженера), та самая, съ которой случилось разсказанное въ Андреевской „Безднѣ“, берусь за перо, чтобы заявить обществу, что то письмо написано не моимъ мужемъ, который написать его и не могъ. Я считаю себя обязанной реабилитировать въ глазахъ читающей публики имя любимаго мною человѣка, а кстати — и это, быть можетъ, самое главное — исправить ошибку сдѣланнаго г. Андреевымъ вывода о „черной безднѣ“. Мой мужъ сдѣлалъ бы это, несомнѣнно, самъ, если бы зналъ о появившемся въ печати письмѣ отъ его имени, но, разъѣзжая теперь по дѣламъ завода, на которомъ онъ служитъ, и не получая тамъ

русскихъ газетъ, онъ объ этомъ письмѣ, конечно, и не подозрѣваетъ.

Я вполнѣ согласна съ авторомъ подложнаго письма, что настоящій ужасъ, описанный у него, — куда страшнѣе того, который навело на меня правдиво и точно описанное г. Андреевымъ ночное нападеніе на меня въ лѣсу трехъ пьяныхъ негодяевъ. Быть отвергнутой тѣмъ, кого любишь, чувствовать, что онъ питаетъ къ тебѣ омерзеніе, что ты ему противна, — что можетъ быть ужаснѣе этого?... Къ счастью (къ счастью, — говорю я), все это было не такъ, а такъ именно, какъ разсказалъ объ этомъ Андреевъ. Мнѣ тяжело разсказывать о томъ, что я пережила, обнажать свою душу, — но хочется, нужно сказать всю правду, объяснить все, и приходится это сдѣлать, скрѣпя сердце. Пусть многимъ мои слова покажутся излишне откровенными, за то въ нихъ — правда души.

Я очнулась въ лѣсу, разбитая, измученная, еще подъ гнетущимъ впечатлѣніемъ пережитаго мною ужаса, будучи не въ силахъ пошевелиться — и первое, что я увидѣла, — это фигуру Нѣмовецкаго, стоявшаго передо мною на колѣняхъ. Онъ

тормошилъ меня, ласкалъ, умолялъ придти въ себя и губы его шептали:

„Я женюсь, женюсь на тебѣ, Зиночка!“

И я, несчастная и униженная, въ тѣ страшные нѣсколько часовъ постарѣвшая на много лѣтъ, поняла всѣмъ сердцемъ женщины, что я ему не чужда, что я ему не противна, что этотъ роковой случай не отнялъ его у меня . . . И въ этотъ моментъ онъ, шепчущій мнѣ слова любви, цѣлующій мои руки, избитый и взволнованный, — былъ мнѣ дороже, еще милѣе, чѣмъ тогда, когда веселый и гордый, шелъ рядомъ со мною полемъ и декламировалъ стихи о той, которой „отдалъ, не сказавъ ни слова, всю тоску, всю нѣжность, всю любовь свою . . .“ И видѣть его, почти плачущаго, такого слабаго и безсильнаго, склонившагося надъ жалкимъ поруганнымъ воплощеніемъ своихъ юношескихъ грезъ, надо мною — было для меня истиннымъ счастьемъ. Я понимала, какъ горько, какъ тяжело было ему мое горе, я знала, я читала въ его глазахъ, что ему надо было преодолѣть отвращеніе мужчины къ жертвѣ пьяныхъ, озвѣрѣлыхъ людей, и я видѣла, какъ боро-

лось въ немъ съ этимъ физическимъ отвращеніемъ высокое чувство души.

„И ему показалось, что мягкія губы дѣвушки дрогнули и раздались подъ его поцѣлуемъ. И черная бездна поглотила его“ — такъ (привожу на память: у меня подъ рукою нѣтъ книги) кончаетъ свой разсказъ Андреевъ. Да, мои губы приняли его поцѣлуй, и это былъ поцѣлуй, котораго я никогда не забуду, поцѣлуй мужа и друга, даръ любви и утѣшенія. Роковой вечеръ сблизилъ насъ общимъ горемъ и бросилъ насъ въ объятья другъ другу, а не въ бездну. Женскимъ чутьемъ я поняла, какъ страшна была въ его душѣ борьба, и оцѣнила, какъ трудно досталась ему побѣда, которую онъ одержалъ надъ собою.

Знаю, мнѣ возразятъ:

„А развѣ не могъ обойтись онъ безъ такого рѣшенія и потомъ все таки жениться на васъ?“

А я скажу, что тогда именно, въ тотъ ужасный вечеръ, когда мнѣ казалось, что предо мною навѣки закрываются двери семейнаго счастья, что мое несчастье сдѣлаетъ меня отчужденной отъ всѣхъ (вспомните мадамъ Баптистъ Гюи де Мопассана)

я должна была знать, что у меня есть мужъ, опора и утѣшитель, и что этотъ мужъ — самый дорогой мнѣ человѣкъ. Въ тѣ именно ужасныя минуты мои руки — искали его объятій, мои губы — его губъ, искали такъ, какъ не искали ни раньше, ни позже, — и онъ сталъ моимъ мужемъ. Гдѣ же тутъ бездна, неужели правъ Леонидъ Андреевъ? Всякая женщина пойметъ, что нѣтъ.

Остановлюсь еще на одномъ мѣстѣ приписаннаго моему мужу письма:

„Съ большей половиной человѣческаго рода произошло бы навѣрное то же (что съ Нѣмовецкимъ). Развѣ не ревнуемъ мы нашихъ женъ ко всѣмъ ихъ прежнимъ увлеченіямъ и развѣ примиритесь вы хоть когда нибудь съ фактомъ, что ваша сіяющая невинной чистотой невѣста когда то любила и принадлежала другому?“

Удивляюсь. Какое имѣло отношеніе этотъ примѣръ къ случаю со мною? Развѣ гнусное нападеніе на меня было вызвано моимъ увлеченіемъ? . . . Авторъ письма говоритъ о невѣстѣ, которая любила другого и принадлежала другому, — значитъ хотѣла принадлежать. А развѣ я хотѣла

насилія, которому подверглась? Вотъ какова логика мужчины. И для меня счастье знать, что мой мужъ эту своеобразную, безпощадную мужскую логику преодолѣлъ, счастье — помнить, какъ онъ простилъ мнѣ то, что не всякій мужчина прощаетъ женщинѣ, — мое несчастіе.

Снова повторяю — гдѣ же бездна?

Зинаида Нѣмовецкая.

Письмо босяка Ѳедора.

Милостивый государь, ваше высокоблагородіе, господинъ редакторъ!

Какъ оно теперь вошло, значитъ, въ моду, что „бывшіе люди“ языкомъ человѣческимъ заговорили и къ себѣ общее вниманіе, какъ вы выражаетесь въ газетахъ, привлекаютъ, дозвольте и мнѣ нѣсколько словъ пропечатать въ оправданіе того, что на меня господинъ Андреевъ большой поклепъ взводятъ.

Сижу это я вчера въ кабакѣ и какъ слѣдуетъ прохожусь по части казенной „монополькиˮ. И подходитъ ко мнѣ кабатчикъ Ѳаддей съ такими грубыми словами:

„Эй ты, бритый, грамотный ты али нѣтъ?“

„А тебѣ на что?“ спрашиваю я Ѳаддея.

„Да такъ,“ говоритъ, „хотѣлъ тебѣ въ предупрежденіе. Потому,“ говоритъ, „тутъ, въ газетахъ, про одного пьяницу и забулдыгу

пишутъ, что дѣвочкой одной изъ дворянокъ не по закону въ лѣсу побаловался. А такъ какъ ты бритый," говоритъ, „а Ѳедька, твой пріятель, рыжая собака, Степка же, твой пріятель и собутыльникъ, оченно высокій, то не ты ли съ ними эту самую дѣвочку въ лѣсу облапошилъ? Съ тебя, негодяя, все можетъ статься."

Тутъ я не выдержалъ и хвать рукой по столу, ажъ на стойкѣ шкалики затрещали.

„Самъ ты негодяй," говорю; „точно пьяница я," говорю, „только Васька и Ѳедька не мои товарищи — пріятели, и никакой дѣвченки я въ лѣсахъ не видывалъ, и неграмотный я."

Всталъ и ушелъ.

Сволочь онъ, этотъ Ѳаддей, господинъ редакторъ! Квартальному каждое первое число три рубля безъ конверта несетъ, городовымъ каждый день по косушкѣ, въ воскресенье и высокоторжественные дни по двѣ преподноситъ, потому какъ они есть постовые, чтобы они, значитъ, одинъ глазъ закрывали и ему ночную торговлю тайно дозволяли, а самъ все норовитъ, какъ ему передъ квартальнымъ и приставомъ выслужиться, на заднихъ лапкахъ поползти. То

и гляди, такой доносъ настрочитъ, что не токмо на каторгу, въ самый Сахалинъ попадешь!

Тоись, какъ вы, господинъ редакторъ, человѣкъ благородный и меня, значитъ, никакъ выдавать не будете, скажу я вамъ всю правду: грѣшенъ человѣкъ! Былъ я происхожденія, значитъ, не совсѣмъ какъ благороднаго, а только отца имѣлъ, мать имѣлъ, славно жили. Домъ, гдѣ жили на Скотопригонной, еще и теперь стоитъ. Хотѣлъ меня отецъ обучить и пустить по мастерству, такъ я лѣнивый, непослушный былъ. Въ школу ходилъ, около звѣринца деньденьской торчалъ, а какъ прослышалъ про кіятръ, такъ стою на улицѣ, на народъ глазѣю и хотѣлъ однимъ глазкомъ туда взглянуть. Да лошадь наѣдетъ, жандармъ, что на конѣ, накричитъ и городовой затрещину дастъ. Эхъ, долго разсказывать. Вотъ какъ бы съ Максимомъ Горькимъ встрѣтиться, ему-бы все какъ есть разсказалъ, всю душу на столъ выложилъ, потому онъ свой человѣкъ и нашего брата отлично понимаетъ и расписать можетъ.

Ну, значитъ, какъ отецъ съ маткой померли, сталъ я самъ себѣ господинъ. Домъ

продалъ, скарбъ, какой былъ, продалъ и пошелъ въ кіятрѣ служить. Разныхъ героевъ игралъ, когда нѣмого монаха, когда рыцаря этого самаго, а то съ разными товарищами народъ рассейскій изображали. И долго я еще могъ тамъ служить, да товарищи пронюхали, что копейка у меня водится и все въ кабакъ сворачивали. Ну, какъ съ компаніей не пойти, какъ не угостить? Ну и спился, пропилъ все какъ есть, изъ кіятра въ шею дали, и сталъ я, какъ есть, пьяница, прощалыга и пропащій человѣкъ.

Такъ вотъ живу на бѣломъ свѣтѣ одиннадцать годовъ. Заработаю, пропью, не заработаю, товарищи напоютъ, случится когда украсть — украдемъ, два раза въ тюрьмѣ сидѣлъ, хоть одинъ разъ совсѣмъ безвинно — по строгости судьи. А живу я въ ночлежкѣ, только въ какой, сказать не могу, потому что кабатчикъ Ѳаддей, подлецъ, газету читаетъ и сейчасъ доносъ напишетъ: „той,“ значитъ, „бритый, на котораго я сумлѣніе имѣю, тамъ-то проживать изволитъ.“ На-ко, братъ, выкуси! Нѣтъ, хоть очень я горжусь тѣмъ, что бритый хожу, яко воспоминаніе о кіятрѣ и молодыхъ мо-

ихъ лѣтахъ, а теперь больше бриться не буду, чтобы значитъ этимъ полицейскимъ шавкамъ въ руки не попасться. И зовутъ меня больше не Ѳедоръ, а совсѣмъ по иному.

Теперь, господинъ редакторъ, я изложу вамъ все, какъ было дѣло, потому вы человѣкъ образованный и поймете, что коли-бы я хотѣлъ, могъ бы вамъ и не писать, колибы хотѣлъ, могъ соврать, а разъ хочу, то всю правду скажу.

Были мы, значитъ, въ этотъ день съ Васькой и Ѳедькой вмѣстѣ. Обработали мы одно дѣльцо, на толкучку ткнулись и живо мы товаръ съ рукъ сбыли. Подѣлились мы честно, на треть какъ полагается. Куда дорога? Ну, разумѣется, въ кабакъ!

„Васька! Ѳедька!“ говорю я: „а не покутить ли намъ нынче по настоящему? Что то я давно съ дѣвками не гулялъ. Пойдемъ туда, на Овражки: тамъ бабскаго народу всегда много по сходной цѣнѣ.“

Пошли мы разными дорогами, чтобъ непримѣтно было, сошлись у заставы, купили полштофика „монополькиˮ, идемъ дальше. Въ лѣсъ пришли, на поляну сѣли, потому утомившись были.

„Здѣсь, братцы, выпьемъ,“ предложилъ я, а потомъ, когда совсѣмъ стемнѣетъ: „бабу въ любомъ оврагѣ найдемъ.“

И стали мы живо водку глотать, потому какъ долго заработковъ не имѣли и дѣльцовъ никакихъ обдѣлать не удавалось, и водки мало пили, и съ дѣвками гулящими давненько не знавались. Только какъ это выпили мы водку, и бутылка порожняя лежала, стали мы какъ словно осоловѣлые и ждемъ чего-то, и въ землю смотримъ и молчимъ.

Ну вотъ тутъ и подошли этотъ скубентъ, какъ его величаютъ въ газетахъ: Нѣмовецкій, съ барышней своею. Какъ завидѣлъ я ее, такъ прямо слюнки потекли, потому въ тѣ поры голодный я и жадный былъ до всякой бабы. И свистнулъ тутъ я, чтобы, значитъ, вниманіе моихъ пріятелевъ на дѣвочку обратить. Идетъ этотъ молокососъ прямо на насъ и такъ жалостно, словно . . . спрашиваетъ: „Гдѣ тутъ пройти къ заставѣ? Тутъ али тутъ?“

Мы не отвѣчаемъ. Ѳедька и Васька на дѣвочку смотрятъ, я тоже смотрю, и такая меня тутъ зависть взяла, что опять я свистнулъ: молъ, братцы, вишь какую дѣвочку

молокососъ поддѣпилъ! Гляжу, Васька на локти всталъ, потомъ на руки, потомъ и весь поднялся. А мы съ Ѳедькой сидимъ, все, значитъ, на барышню смотримъ и жадностью этой самой себя накачиваемъ.

Глядимъ, онъ, паничъ, со своей полюбовницей впередъ пошли и не бѣгутъ, а такъ идутъ себѣ рядкомъ, только словно дрожатъ и другъ къ дружкѣ прижимаются. Тутъ Ѳедька, лысый чортъ, первый заговорилъ:

„Ишь, парнишка дохлый то какой, даже обида беретъ. А дѣвчонка ха-а-рошенькая, давай Богъ и не такимъ дохлякамъ.“

Я смѣюсь и сталъ подыматься. А Васька тоже зубы скалитъ и намъ говоритъ:

„Вотъ благородные, изъ дворянъ, а тоже сюда, въ Овражки, ходятъ. Али въ городѣ имъ мѣста мало, чтобъ . . .“

Гляжу, анъ Васька уже за скубентомъ побѣжалъ. „Стой, говоритъ, баринъ, погоди! Мнѣ тебѣ два слова сказать нужно!“

Ѳедька тоже подскочилъ. „Нужно, говоритъ, погодить, когда честью просятъ, а не то мы тебя по шеямъ!“

Тутъ Васька уже свою лапу на плечо скубенту опустилъ и за пиджакъ его дер-

житъ. Что Васька ему сказать собирался, правду сказать: не знаю, только вотъ по совѣсти скажу: дѣвочка намъ эта сразу сильно приглядѣлась, и зависть сильная, сильная разбирала. Гляжу, дохлый паничъ струсилъ: на глазахъ слезы, самъ что-то такое бормочетъ, дѣвочку изъ рукъ выпустилъ, самъ въ карманы лѣзетъ. Ну, думаю: левольверъ тащитъ, потому эти паничи, какъ большіе трусы, все стали съ левольверами ходить, какъ на свою силу полагаться не могутъ. Анъ гляжу, Васька то тоже понялъ, что скубентъ за левольверомъ полѣзъ, и какъ расмахнется онъ и какъ дастъ это скубенту въ зубы, ажъ звонъ въ ушахъ пошелъ!

Ну, конечно, гдѣ ему дохлому съ такимъ дюжимъ парнемъ, какъ Васька тягаться: свалился на землю и шапка упала. А дѣвченка это какъ завидѣла, давай драла!

„Ну, нѣтъ,“ думаю я, „не бывать. Будешь ты наша, голубушка! Знай напредки, какъ въ Овражки ходить. Со скубентомъ ворковала, цѣловалась, въ овражекъ спускалась, а нашъ братъ безъ души, что-ли, чувствовать этой самой любви не можетъ?“

И свистнулъ я въ третій разъ, знакъ товарищамъ подалъ, чтобы съ паничемъ сами расправлялись, и побѣжалъ догонять барышню.

Ну и ловко бѣжала дѣвченка! Ихъ тамъ гимнастикамъ этимъ обучаютъ, а нашъ братъ только и бѣжитъ, когда отъ городового улепетываетъ. Прежде нашего брата не такъ преслѣдовали и дали этой сволочи нарочно длинныя шинели и шашки, чтобы не такъ быстро за нами имъ угоняться.

„Стой, кричу, барышня! Стой, а то хуже будетъ," кричу и за нею бѣгу, ажъ потъ прошибъ. Нагналъ на самомъ концѣ поляны и за юбку схватилъ, ажъ крючки поддались.

„Что вы," говоритъ, „хотите?" жалобно такъ говоритъ и еле дышетъ, потому запыхавшись.

„А вотъ я тебѣ покажу, что хочу," говорю я и обхватилъ ее обѣими руками. И какъ почувствовалъ я, что въ рукахъ она у меня, такъ прямо, скажу вамъ, не человѣкъ я сталъ, а звѣрюга: прямо такъ бы и съѣлъ ее, такъ и сожралъ! Рванулъ я рукой — передникъ чуть въ клочья посыпался, рванулъ еще разъ, кофточку содралъ. Тутъ

она какъ взвизгнетъ, какъ забвется въ моихъ рукахъ, — откуда такая сила взялась!

Я что-жъ, думаю, разъ началъ, все равно пропадать: такъ своего хоть добьюсь. И схватилъ я ей все лицо въ свою лапу, ротъ и носъ закрылъ, чтобы, значитъ, не кричала, а другой рукой юбку стаскиваю. Только неопытный я по части женскаго дѣла: не знаю ни гдѣ крючекъ, ни гдѣ пуговица какая. Рву все, не токмо что платье, рубашку содралъ.

И какъ взглянулъ я на нее, лежитъ, это она предо мной, какъ голубка, не дышетъ, не шевельнется, защищаться не можетъ, отъ стыда не прикрывается — и ущемило меня за сердце, и вспомнилъ тутъ я одну актерку: вотъ тоже такая молодая была, въ кіатрѣ, играла, меня все разспрашивала такъ ласково, такъ просто . . .

„Нѣтъ," говорю я, „не бывать этому!"

Тутъ Васька набѣжалъ. Быстро шельма прибѣжалъ. „Я его, говоритъ, въ ровъ бросилъ, въ безпамятствѣ. Ишь ты, собака, подождать не могъ товарищей. Самъ дѣвкой завладѣлъ. Что-жъ, говоритъ, теперь моя очередь? Ты отойди и рыжаго пса попридержи."

„Какая твоя очередь?“ говорю. „Ишь чего захотѣлъ! Совѣсть есть у тебя, али нѣтъ?“

Гляжу, Васька хохочетъ, зубы скалитъ. „Ахъ ты, сволочь, говоритъ, дѣвкой завладѣлъ — о совѣсти заговорилъ? Аль ты думаешь, что тебѣ одному она принадлежать должна, коль ты ее поймалъ? А скубента кто въ ровъ бросалъ? Кто ему подзатыльниковъ понадавалъ?“

Тутъ меня ажъ разобрало. „Врешь, кричу: сукинъ сынъ! Самъ ее не тронулъ и тебѣ не позволю, потому жалко ее, тоже душу имѣетъ, и не для нашего брата она...“

Прибѣжалъ Ѳедька, запыхался, отдышаться не можетъ, а самъ какъ дѣвку завидѣлъ, такъ прямо на нее и набросился. Я его за шиворотъ схватилъ, другую руку противъ Васькиной морды держу. Убью, кричу, кто дотронется — убью!

Гляжу, не трогаетъ ихъ, и Васька мнѣ въ бокъ какъ саданетъ!

„Братцы! кричу: убили мы ее: вотъ она лежитъ мертвая, на каторгу пойдемъ!“

Гляжу, Васька давай ноги, Ѳедька въ припрыжку въ другую сторону шарахнулся. Прислушался я: анъ, дѣвченка, и въ са-

момъ дѣлѣ не дышетъ. Значитъ, не солгалъ я товарищамъ. И обуялъ меня такой страхъ, что я давай бѣжать, до самой заставы безъ оглядки бѣжалъ.

Такъ вотъ вѣрьте, господинъ редакторъ, али не вѣрьте, а говорю вамъ, какъ на духу — я этой барышни не тронулъ и другихъ не пустилъ, а все счастье ея, что она въ обморокѣ лежала али мертвой притворилась. Значитъ, совсѣмъ напрасно господинъ Андреевъ на насъ такой поклепъ взвели. Нѣмовецкій этотъ самый ему хоть правду разсказалъ, только чего онъ не видѣлъ, когда во рву лежалъ, утверждать онъ не можетъ. И напрасно онъ на насъ киваетъ, какъ будто себя оправдать хочетъ въ томъ, что сдѣлалъ онъ. Я пьяница, воръ и прощалыга, — и то удержался, вспомнилъ Христа и Господа Бога, а онъ... дворянчикъ, образованный! Если бы онъ мнѣ тогда попался, не уйти ему изъ моихъ рукъ живымъ, хоть бы и взялъ я на свою душу смертный грѣхъ.

Статья графа Льва Толстого.

Когда письмо графини Толстой стало общеизвѣстнымъ, въ русской печати и въ русскомъ обществѣ поднялись споры, поскольку письмо это отражаетъ взгляды самого Льва Толстого. Написано ли это письмо графиней Толстой вполнѣ самостоятельно и по личной иниціативѣ ея, или же за написанными ею строками скрывается личность великаго писателя, не считавшаго возможнымъ по тѣмъ или другимъ причинамъ лично высказываться въ печати по поводу разсказовъ Андреева и его такъ много шуму надѣлавшей „Бездны?“ Намъ весь этотъ споръ кажется праздным, такъ какъ графъ Толстой вполнѣ ясно и опредѣленно высказался о томъ родѣ литературы, который принято называть порнографическимъ, въ своей мало знакомой русскимъ читателямъ статьѣ о Гюи де-Мопассанѣ, съ произведеніями котораго

имѣетъ безспорно такъ много общаго Андреевская „Бездна“. Разсказавъ, какъ Тургеневъ, бывъ въ 1881 году у Толстого въ гостяхъ, рекомендовалъ ему прочесть томикъ разсказовъ Гюи де-Мопассана, подъ названіемъ Maison Tellier, Толстой продолжаетъ: „Время это, 1881 годъ, было для меня самымъ горячимъ временемъ внутренней перестройки всего моего міросозерцанія, и въ перестройкѣ этой та дѣятельность, которая называется художественной, и которой я прежде отдавалъ всѣ силы, не только потеряла для меня прежде приписываемую ей важность, но стала прямо непріятна мнѣ по тому несвойственному мѣсту, которое она занимала въ моей жизни и занимаетъ вообще въ понятіяхъ людей богатыхъ классовъ.

И потому въ то время меня совершенно не интересовали такія произведенія, какъ то, которое мнѣ рекомендовалъ Тургеневъ. Но, чтобы сдѣлать ему удовольствіе, я прочелъ переданную имъ мнѣ книжку.

По первому же разсказу Maison Tellier, не смотря на неприличный и ничтожный сюжетъ разсказа, я не могъ не увидѣть въ авторѣ того, что называется талантомъ.

Авторъ обладалъ тѣмъ особеннымъ, называемымъ талантомъ, даромъ, который состоитъ въ способности усиленнаго, напряженнаго вниманія, смотря по вкусамъ автора, направляемаго на тотъ или другой предметъ, вслѣдствіе котораго человѣкъ, одаренный этой способностью, видитъ въ тѣхъ предметахъ, на которые онъ направляетъ свое вниманіе, нѣчто новое, такое, — чего не видятъ другіе. Этимъ то даромъ видѣть въ предметахъ то, чего не видятъ другіе, очевидно, обладалъ Мопассанъ. Но судя по тому томику, который я прочелъ, онъ, къ сожалѣнію, былъ лишенъ главнаго изъ трехъ, кромѣ таланта, необходимыхъ условій для истиннаго художественнаго произведенія. Изъ этихъ трехъ условій: 1. правильнаго, т. е. нравственнаго отношенія автора къ предмету; 2. ясности изложенія или красоты формы, что одно и тоже, и 3. искренности, то есть непритворнаго чувства любви или ненависти къ тому, что изображаетъ художникъ, — изъ этихъ трехъ условій Мопассанъ обладалъ только двумя послѣдними и былъ совершенно лишенъ перваго. Онъ не имѣлъ правильнаго, то есть нравственнаго отношенія къ описы-

ваемымъ предметамъ. Судя по тому, что я прочелъ, я убѣдился, что Мопассанъ обладалъ талантомъ, то есть даромъ вниманія, открывающимъ ему въ предметахъ и явленіяхъ жизни тѣ свойства ихъ, которыя не видны другимъ людямъ, обладалъ тоже красивой формой, то есть выражалъ ясно, просто и красиво то, что хотѣлъ сказать, обладалъ и тѣмъ условіемъ достоинства художественнаго произведенія, безъ котораго художественное произведеніе не производитъ дѣйствія, — искренностью, то есть не притворялся, что любитъ или ненавидитъ, а точно любилъ и ненавидѣлъ то, что описывалъ. Но, къ сожалѣнію, будучи лишенъ перваго, едва ли не главнаго достоинства художественнаго произведенія, правильнаго, нравственнаго отношенія къ тому, что онъ изображалъ, то есть знанія различія между добромъ и зломъ, онъ любилъ и изображалъ то, чего не надо было любить и изображать, и не любилъ и не изображалъ того, что надо было любить и изображать. Такъ въ этомъ томикѣ авторъ описывалъ съ большой подробностью и любовью то, какъ женщины соблазняютъ мужчинъ и мужчины женщинъ, даже какія-то трудно понимаемыя пакости,

которыя изображены въ La femme de Paul, и не только съ равнодушіемъ, но съ презрѣніемъ, какъ животныхъ, описывалъ рабочій деревенскій народъ.

Въ особенности поразителенъ былъ этимъ незнаніемъ различія между добромъ и зломъ разсказъ Une partie de campagne, въ которомъ представляется въ видѣ самой милой и забавной шутки подробное описаніе того, какъ два катавшіеся въ лодкѣ съ голыми руками господина одновременно соблазнили одинъ старую мать, а другой молодую дѣвушку, ея дочь.

Сочувствіе автора, очевидно, все время до такой степени на сторонѣ этихъ двухъ негодяевъ, что онъ не то, что игнорируетъ, но прямо не видитъ того, что должны были перечувствовать соблазненныя мать, дѣвушка дочь, отецъ и молодой человѣкъ, очевидно женихъ дочери, и потому получается не только возмутительное описаніе отвратительнаго преступленія въ видѣ забавной шутки, но и самое событіе описано ложно, потому что описана одна самая ничтожная сторона предмета: удовольствіе, полученное негодями. Въ этомъ же томикѣ есть разсказъ histoire d'une fille de ferme, который Тур-

геневъ особенно рекомендовалъ мнѣ и который особенно не понравился мнѣ также по неправильному отношенію автора къ предмету. Авторъ, очевидно, видитъ во всѣхъ тѣхъ рабочихъ людяхъ, которыхъ онъ описываетъ, только животныхъ, не поднимающихся выше половой и материнской любви, и потому отъ описанія его получается не полное, искуственное впечатлѣніе.

Первое, что послѣ этого попалось мнѣ изъ писаній Мопассана, было Une vie, которую мнѣ кто-то посовѣтовалъ прочесть. Эта книга сразу заставила меня перемѣнить мнѣніе о Мопассанѣ, и съ этихъ поръ я уже съ интересомъ читалъ все то, что было подписано этимъ именемъ. Une vie — превосходный романъ, не только несравненно лучшій романъ Мопассана, но едва ли не самый лучшій французскій романъ послѣ Misérables Гюго. Въ романѣ этомъ, кромѣ замѣчательной силы таланта, то есть того особеннаго, напряженнаго вниманія, направленнаго на предметъ, вслѣдствіе котораго авторъ видитъ совершенно новыя черты въ той жизни, которую онъ описываетъ, въ романѣ этомъ почти въ

равной степени соединяются всѣ три условія истиннаго художественнаго произведенія: 1. правильное, то есть нравственное отношеніе автора къ предмету; 2. красота формы и 3. искренность, то есть любовь къ тому, что описываетъ авторъ. Тутъ уже смыслъ жизни не представляется автору въ похожденіяхъ различныхъ распутниковъ и распутницъ-тутъ содержаніе составляетъ, какъ и говоритъ заглавіе, описаніе жизни загубленной, невинной, готовой на все прекрасное, милой женщины, загубленной именно той самой грубой, животной чувственностью, которая въ прежнихъ разсказахъ представлялась автору какъ бы центральнымъ, надъ всѣмъ властвующимъ явленіемъ жизни, и все сочувствіе автора на сторонѣ добра.

Форма, прекрасная и въ первыхъ разсказахъ, здѣсь доведена то такой высокой стенени совершенства, до которой не доходилъ по моему мнѣнію ни одинъ французскій писатель-прозаикъ. И кромѣ того, и главное, здѣсь авторъ дѣйствительно любитъ и сильно любитъ ту добрую семью, которую описываетъ, и дѣйствительно ненавидитъ того грубаго самца, который

разрушаетъ счастье и спокойствіе этой милой семьи и въ особенности героини романа.“

Передавъ затѣмъ содержаніе романовъ Bel Ami и Mont-Oriol Толстой продолжаетъ:

„Въ слѣдующихъ за этимъ романахъ Pierre et Jean, Fort comme la mort и Notre coeur нравственное отношеніе автора къ своимъ лицамъ еще болѣе путается, и въ послѣднемъ уже совсѣмъ теряется. На всѣхъ этихъ романахъ уже лежитъ печать равнодушія, поспѣшности, выдуманности, и главное, опять того отсутствія правильнаго нравственнаго отношенія къ жизни, которое было въ первыхъ его писаніяхъ. Начинается это съ того самаго времени, съ котораго устанавливается и репутація Мопассана, какъ моднаго автора, и онъ подвергается тому ужасному въ наше время соблазну, которому подвергается всякій извѣстный писатель, тѣмъ болѣе такой привлекательный, какъ Мопассанъ. Съ одной стороны, успѣхъ первыхъ романовъ, похвалы газетныя, лесть общества, въ особенности женщинъ, съ другой-все болѣе и болѣе увеличивающіеся размѣры вознагражденій, никогда все-таки не поспѣвающіе за посто-

янно увеличивающимися потребностями, съ третьей-назойливость редакторовъ, перебивающихъ другъ друга, льстящихъ, упрашивающихъ и не судящихъ уже о достоинствѣ предлагаемыхъ произведеній автора, а съ восторгомъ принимающихъ все, что подписано разъ установившимся въ публикѣ именемъ. Всѣ эти соблазны такъ велики, что, очевидно, одурманиваютъ автора: онъ поддается имъ и, хотя продолжаетъ по формѣ также, иногда еще лучше, отдѣлывать свои романы и даже любитъ то, что онъ описываетъ, но любитъ то, что онъ описываетъ уже не потому, что оно добро и нравственно, то есть любимо всѣми, и ненавидитъ то, что описываетъ, не потому, что оно зло и ненавидимо всѣми, а только потому, что одно нравится, а другое случайно не нравится ему.

На всѣхъ романахъ Мопассана, начиная съ Bel-Ami уже лежитъ эта печать поспѣшности и главное выдуманности. Съ этого времени Мопассанъ уже не дѣлаетъ того, что онъ дѣлалъ въ своихъ первыхъ двухъ романахъ: не беретъ въ основу своихъ романовъ извѣстныя нравственныя требованія и на основаніи ихъ, описываетъ

дѣятельность своихъ лицъ, а пишетъ свои романы такъ, какъ пишутъ всѣ романисты-ремесленники, то есть придумываетъ наинтереснѣйшія и наипатетичнѣйшія или наисовременнѣйшія лица и положенія, и составляетъ изъ нихъ романъ, украшая его всѣми тѣми наблюденіями, которыя ему удалось сдѣлать, и которыя подходятъ къ канвѣ романа, нисколько не заботясь о томъ, какъ относятся къ требованіямъ нравственности описываемыя событія . . .

Во всѣхъ романахъ своихъ послѣ Bel-Ami (я не говорю теперь о его мелкихъ разсказахъ, которые составляютъ его главную заслугу и славу, о нихъ послѣ) Мопассанъ, очевидно, поддался царствовавшей не только въ его кругѣ въ Парижѣ, но царствующей вездѣ и теперь между художниками, теоріи о томъ, что для художественнаго произведенія не только не нужно имѣть никакого яснаго представленія о томъ, что хорошо и что дурно, но что, напротивъ, художникъ долженъ совершенно игнорировать всякіе нравственные вопросы, что въ этомъ даже нѣкоторая заслуга художника. По этой теоріи художникъ можетъ или долженъ изображать то, что истинно, то, что есть, или

то, что красиво, что слѣдовательно ему нравится или даже то, что можетъ быть полезно какъ матеріалъ для науки, но что заботиться о томъ, что нравственно или безнравственно, хорошо или дурно-не есть дѣло художника . . .

Въ первыхъ его двухъ романахъ, въ особенности въ первомъ „Une vie“ было это ясное, опредѣленное и новое отношеніе къ жизни и было художественное произведеніе, но какъ скоро онъ, подчинившись модной теоріи, рѣшилъ, что этого отношенія автора къ жизни совсѣмъ не нужно и сталъ писать только для того, чтобы faire quelque chose de beau, такъ его романы перестали быть художественными произведеніями. Въ Une vie и Bel-Ami авторъ знаетъ, кого надо любить и кого ненавидѣть, и читатель соглашается съ нимъ и вѣритъ ему, вѣритъ въ тѣ лица и событія, которыя ему описываются. Но въ Notre Coeur и въ Yvette авторъ не знаетъ, кого надо любить, кого ненавидѣть, не знаетъ этого и читатель. А не зная этого, читатель и не вѣритъ въ описываемыя событія и не интересуется ими. И потому, за исключеніемъ первыхъ, даже, строго говоря, одного перваго романа, всѣ романы Мо-

пассана, какъ романы, слабы, и если бы Мопассанъ оставилъ намъ только свои романы, то онъ былъ бы только поразительнымъ образцомъ того, какъ можетъ погибнуть блестящее дарованіе вслѣдствіе той ложной среды, въ которой оно развилось, и тѣхъ ложныхъ теорій объ искусствѣ, которыя придумываются людьми, не любящими и потому не понимающими его. Но, къ счастію, Мопассанъ писалъ мелкіе разсказы, въ которыхъ онъ не подчинился ложной, принятой имъ теоріи, и писалъ не quelque chose de beau, а то, что умиляло или возмущало его нравственное чувство. И по этимъ разсказамъ, не по всѣмъ, но по лучшимъ изъ нихъ, видно, какъ росло это нравственное чувство въ авторѣ.

И въ томъ то удивительное свойство всякаго истиннаго таланта, если онъ только подъ вліяніемъ ложной теоріи не насилуетъ себя, что талантъ учитъ обладателя его, ведетъ его впередъ по пути нравственнаго развитія, заставляетъ его любить то, что достойно любви, и ненавидѣть то, что достойно ненависти. Художникъ только потому и художникъ, что видитъ предметы не такъ, какъ онъ хочетъ ихъ видѣть, а

такъ, какъ они есть. Носитель таланта-человѣкъ-можетъ ошибаться, но талантъ, если ему только будетъ данъ ходъ, какъ давалъ ему ходъ Мопассанъ въ своихъ разсказахъ, откроетъ, обнажитъ предметъ и заставитъ полюбить его, если онъ достоинъ любви, и возненавидѣть его, если онъ достоинъ ненависти. Съ каждымъ истиннымъ художникомъ, когда онъ подъ вліяніемъ среды начинаетъ описывать не то, что должно, случается то, что случилось съ Валаамомъ, который, желая благословить, сталъ проклинать то, что должно было проклинать, и желая проклинать, сталъ благословлять то, что должно было благословлять; онъ невольно сдѣлаетъ не то, что хочетъ, а то, что должно. И это случилось съ Мопассаномъ.

Во всѣхъ книжныхъ магазинахъ, торгующихъ заграницей запрещенными русскими книгами, продаются слѣдующія новыя книги, изданныя **Іоанномъ Рэде** въ **Берлинѣ**:

Мар.

Алекс. Амфитеатровъ. Господа Обмановы . . 1.—

Знаменитый фельетонъ-памфлетъ, изъ за котораго газета „Россія“ закрыта навсегда, а Ал. Амфитеатровъ (Old Gentleman) сосланъ на 12 лѣтъ въ Сибирь.

— — Господа Обмановы. Глава 2-я, въ газ. „Россія“ не появившаяся . . . . . 1.—

— — Господа Обмановы. Глава третья, самая сенсаціонная . . . . . 1.—

М. Горькій. Три разсказа (не пропущены русской цензурой), съ послѣсловіемъ М. Сукенникова . . 1.—

— — Революціонныя пѣсни и баллады, съ предисловіемъ М. Сукенникова . . . . . 1.—

Голосъ изъ русской арміи. Разоблаченія . . . 2.—

Сергѣй Ждановъ. Три мѣсяца въ „одиночкѣ“ . 2.—

М. Сукенниковъ. Первый конгрессъ русскихъ студентовъ и студентокъ, учащихся заграницей . . 1.—

Избіеніе русской молодежи. Подробное изложеніе студенческихъ волненій со вступительнымъ письмомъ П. Карповича . . . . . 1.—

Вл. Короленко. „Чудная“. Съ письмами автора и А. Чехова относительно выхода ихъ изъ состава почетныхъ академиковъ . . . . . 1.—

Вл. Спасовичъ. Семь судебныхъ рѣчей . . . . 5.—

Содержаніе: I. Дѣло о 193 лицахъ. — II. Дѣло Мровинскаго, Теглева и Фурсова — о подкопѣ подъ Малую

Мар.

Садовую улицу. — III. Дѣло Юрія Богдановича и Прибыловыхъ. — IV. Дѣло Вѣры Филипповой, Чемодановой и другихъ. — V. Дѣло о варшавскомъ „Пролетаріатѣ". — VI. Дѣло объ убійствѣ купчихи Боговской въ Псковѣ. — VII. Дѣло о Германѣ Лопатинѣ, Петрѣ Якубовичѣ и другихъ лицахъ.

В. А. Бильбасовъ. Исторія Екатерины Второй. Томъ I . . . . . 10.—

— — Томъ II . . . . . 15.—

Изданіе, дополненное главами, не пропущенными русской цензурой.

Въ этомъ сочиненіи цитируются многочисленные документы и разныя сообщенія изъ тайныхъ государственныхъ архивовъ, вслѣдствіе чего легальное изданіе немедленно по своемъ появленіи въ свѣтъ было цензурой конфисковано и уничтожено. Этотъ трудъ весьма интересенъ для всякаго, желающаго основательно ознакомиться съ эпохой Екатерины II. Изложеніе труда прекрасно и настолько легко, что всякій прочтетъ названную книгу съ величайшимъ удовольствіемъ. Сочиненіе Бильбасова составляетъ событіе въ русской исторической литературѣ.

Н. Н. Флеровскій. Три политическія системы: Николай I, Александръ II и Александръ III . . 6.—

Народныя Русскія Легенды, собранныя Аѳанасьевымъ . . . . . 10.—

Л. Н. Толстой. Война и разумъ . . . . . —.60

— — Крейцерова соната 1.50

Полный текстъ безъ сокращеній, сдѣланныхъ русской цензурой.

— — Въ чемъ моя вѣра . . . . . 2.—

— — Исповѣдь. Вступленіе къ сочиненію „Въ чемъ моя вѣра" 1.50

— — Воскресеніе. Романъ въ трехъ частяхъ . . 5.—

Въ настоящее изданіе вошло все, что русской цензурой не пропущено.

Мар.

Крестьянская революція на югѣ Россіи. Подробное изложеніе хода крестьянскихъ волненій съ предисловіемъ М. Сукенникова и письмами Л. Н. Толстого царю . . . . . 2.—

Салтыковъ-Щедринъ. Топтыгинъ I, Топтыгинъ II и Топтыгинъ III. Сказки для дѣтей изряднаго возраста . . . . . 1.—

Арт. Клейншмидтъ. Три столѣтія русской исторіи. Обзоръ исторіи Россіи со времени восшествія на престолъ Романовыхъ до настоящаго времени (1598—1898). Съ двумя генеалогическими таблицами, одной таблицей портретовъ и картой (ходъ развитія Россіи) . . . . . 9.—

Содержаніе: Предисловіе. — До Петра Великаго. — Петръ Великій. — Екатерина II. — Петръ II и Анна. — Два регентства въ теченіе одного года. — Послѣдніе Романовы. — Первый Готторпъ. — Екатерина II. — Павелъ. — Александръ I. — Николай I. — Александръ II. — Александръ III. — Николай II.

К. В. Нюгольмъ:

Положеніе Финляндіи въ Россійской Державѣ 2.50

Матеріалы по Финляндскому вопросу. Оффиціальные документы, фактическія данныя, газетныя и журнальныя статьи и пр. 1.25

Мысли о современномъ положеніи Финляндіи . . . . . —.80

Библіотека біографій выдающихся русскихъ революціонеровъ:

Вып. 1: **Варѳоломей Александровичъ Зайцевъ** . . . . . 1.—

Сущность и значеніе **конституціи** графа **Лорисъ-Меликова** . . . . . 1.—

Мар.

Смерть Александра III. Правдивыя замѣтки . . 1.—

А. Колосовъ. Его Величество (Serenissimus). Сборникъ придворныхъ анекдотовъ . . . . . 3.—

Новые матеріалы по біографіи россійскихъ коронованныхъ особъ, составленные на основаніи заграничныхъ документовъ:

Томъ III. **Елизавета Петровна**, ея происхожденіе, интимная жизнь и правленіе . 2.—

„ IV. **Петръ III**, его дурачества, любовныя похожденія и кончина . . . . . 2.—

„ VII. **Екатерина II**, ея происхожденіе, интимная жизнь и политика . . . 2.—

„ VIII. **Павелъ I.** Его семейная жизнь, фавориты и убійство . . . . . 2.—

„ XI. **Александръ II**, его личность, интимная жизнь и правленіе . . . . . 2.—

„ XII. **Александръ III**, его личность, интимная жизнь и правленіе . . . . 2.—

А. Бебель, Женщина настоящаго, прошедшаго и будущаго времени . . . . . 3.—

Въ этой книгѣ знаменитаго вождя соціалистовъ обстоятельно обсуждается женскій вопросъ, имѣющій столь крупное значеніе для нормальнаго развитія современнаго общества. Авторъ такъ умѣло написалъ свою книгу, что она въ самый непродолжительный срокъ выдержала на нѣмецкомъ языкѣ 30 изданій.

Леонидъ Андреевъ, Бездна . . . . . 2.—

Въ настоящее изданіе нашумѣвшаго разсказа вошло все, что русской цензурой не пропущено.